

ЧАСТЬ II. ТРАДИЦИОННЫЙ АДЫГСКИЙ МИР (XVI - СЕРЕДИНА XVIII В.)

Глава 1. Территория и численность населения Черкесии

1.1. Этнотерриториальное деление Западной Черкесии.

Динамика этнических процессов в Западной Черкесии в эпоху позднего средневековья и в новое время характеризовалась несколькими тенденциями, определявшими специфику развития этнического и субэтнического уровней самосознания адыгов. Население Западного Кавказа с древнейших времен отличалось определенной этноязыковой однородностью. Однако даже после сложения адыгской народности оставалось актуальным противопоставление двух основных центров консолидационной активности адыгов. Между жителями Причерноморья и высокогорной зоны (генетическими преемниками зихского племенного союза) и населением Прикубанья (преемниками касожского племенного объединения) сохранялись некоторые различия этнокультурного и социально-политического характера, поддерживавшие устойчивость субэтнического уровня самосознания у различных групп адыгов. Южная граница расселения адыгоязычных групп приходилась на высокогорную зону Западного Кавказа и Черноморское побережье южнее Туапсе. Население примыкающих к этим границам земель (убыхи, а также садзы и другие локальные группы абазин) находилось в тесных социально-политических связях и этнокультурном симбиозе с адыгами. Степень ассоциированности убыхов и абазин с последними была настолько ощутима, что, как правило, экзоэтнонимы «зихи» и «черкесы» покрывали всю массу населения Западного Кавказа за исключением собственно Абхазского княжества.

Так, на рубеже XV-XVI вв. итальянец Дж. Интериано определял границы Черкесии по берегам Азовского и Черного морей от устья Дона до «реки Фазиса (видимо р. Бзыбь – З.К.)», где она граничила с Абхазией. Протяженность черкесского побережья, указанная автором (500 миль или более 800 км) показывает, что Дж. Интериано включал в число «зихов» (которых татары и турки называли «черкесами»), не только собственно адыгов, но и их ближайших южных соседей – убыхов и абазин. Несмотря на это, последние вплоть до окончания Кавказской войны сохраняли свою этническую самобытность. Известные адыгам под общим именем «абаза», убыхи и абазин в XV-XIX вв. оказались вовлечены в сложные и динамичные этнические процессы, имевшие место в Западной Черкесии.

К середине XV в. основными субэтническими единицами западных адыгов (кIахэ или «низовых черкесов») были хегаки, жанеевцы, бжедуги и кемиргоевцы¹. Хегаки занимали прибрежные земли, примыкавшие к устью Кубани и Таманскому полуострову от Анапы до Цемесской бухты. На востоке они граничили с жанеевцами, одним из наиболее многочисленных западноадыгских субэтносов. Этническая территория жанеевцев включала равнинные земли по обоим берегам нижней Кубани, а также часть отрогов Кавказского хребта с выходом на Черноморское побережье от Цемесской бухты до Пшады. Юго-восточными соседями жанеевцев было горское население долины р. Шапсухо (район Джубги), а также бжедуги. Последние занимали горный район в долине р. Туапсе и верховья р. Псекупс. Кроме того, бжедуги контролировали значительный участок Черноморского побережья в районе Туапсе.

Верховья Пшехи и Белой занимали локальные группы горского населения, известные в более поздних источниках под названием абадзехов («низовые (нижние) абазы»). Видимо к середине XV в. они уже имели некоторые зачатки этнотерриториальной организации. Об этом можно судить по тому, что адыгскому фольклору известен некий Оздемир, возглавлявший абадзехов и других горцев в борьбе против объединительной политики Инала – родоначальника значительной части черкесских владетельных фамилий, жившего в первой половине XV в. В начале XIX в. пять из восьми аристократических (тлекотлешских) фамилий Абадзехии по имени своего родоначальника составляли родовое объединение Оздемир (Оздемр-хе) (330, с.200-2001; 240, с.95).

Далее на юг и юго-восток от Большого Кавказского хребта до побережья Черного моря и устья р. Бзыбь располагались горные и приморские общества убыхов и абазин.

Предгорные и степные пространства по левым притокам Кубани от Афипса до Лабы, а также значительную часть Восточного Приазовья занимали кемиргоевцы. По свидетельству итальянского путешественника И. Барбаро в середине XV в. поселения черкесского владения Кремух (т.е. Кемург или Кемиргой – Ред.) начинались в трех днях пути от Таны (устья Дона) (4, с.42). Кемиргоевцы, как и кабардинцы, являлись генетическими преемниками касожского племенного объединения. В XV в. граница между западными и восточными адыгами (кабардинцами) была достаточно условной и имела скорее этнографический характер. Кабардинские владения на крайнем западе во второй половине XV в. занимали бассейн верхней Кубани до Лабы. Однако уже с начала XVI в. процессы терри-

¹ В российской историографии название одного из древнейших адыгских субэтносов – кемиргоевцев (каб.-черк. – кIэмьргуйей; адыгейск. – кIэмгуй) утвердилось в тюркизированной форме – «темиргоевцы». В русских источниках XVI-XVII вв. оно известно в форме кеморхи или кумиргинские черкесы (136,с.90.386).

ториального обособления западных и восточных адыгов стали прогрессировать. Это было связано во-первых с сокращением адыгского землевладения и землепользования в степном Предкавказье, а также миграционной и завоевательной политикой кабардинцев в восточном направлении.

Усиление военно-политического натиска на адыгские земли со стороны Османской империи и ее вассала – Крымского ханства, привело к тому, что северная граница Западной Черкесии сместилась значительно южнее. К середине XVI в. Восточное Приазовье от устья Дона до течения Кубани перешло под контроль новых хозяев – мурз Малого Нагая – вассалов Крымского ханства. Поселения жанеевцев и кемиргоевцев оказались оттеснены на левобережье Кубани. Основная масса восточных адыгов – кабардинцев утверждала свое господство в Центральном Предкавказье и низовьях Терека. Лишь небольшая часть кабардинцев в результате междоусобиц откололась от основного массива и осталась в междуречье Лабы и Урупа под названием бесленеевцев (по имени князя Беслана). Бассейн верхней Кубани постепенно заселили локальные группы абазин, оказавшиеся в поземельной и политической зависимости от кабардинских и бесленеевских князей. Таким образом, несмотря на сохранение политического контроля над этими землями, восточные адыги (кабардинцы) оказались оторваны от основного адыгского этнического массива. Кубань стала естественной границей между Кабардой и Западной (Закубанской) Черкесией.

После оставления адыгами Восточного Приазовья границы Западной Черкесии на протяжении нескольких веков вплоть до первой половины XIX в. оставались фактически неизменными. Однако динамика демографических процессов внутри страны нередко в короткие сроки кардинально меняла этнотерриториальную карту Западной Черкесии.

В XVI – первой половине XVII вв. основной тенденцией развития феодальных владений Западной Черкесии было их дробление и возникновение в связи с процессами социально-политической дезинтеграции новых субэтнических единиц. Так, от кемиргоевцев отделилась значительная часть населения во главе с князем Хатуко, получившая название хатукаевцев. Они заняли западную часть некогда единого кемиргоевского владения по левобережью Кубани от Афипса до Пшиша (330, с. 176-184). Несколько позднее небольшая часть хатукаевцев во главе с князьями Бхгезеноко в качестве отдельного удела вошла в состав хегаков (330, с.196). Кроме того, в составе кемиргоевского владения князей Болотоковых выделились локальные группы егерукаевцев (еджерукай) и адамиевцев (адамий).

Бжедуги разделились на четыре отрасли. Князья Черчан, Хамиш, Богорсоко и Бастоко стали родоначальниками самостоятельных княжеских домов. Черченеевское и Ха-

мишеевское владения удержали общее субэтническое название бжедугов. Подданные Богорско передвинулись на северо-восток, в бассейн средней Лабы (рр. Фарс, Псефирь) и под именем махосевцев вошли в число самостоятельных этнотерриториальных единиц Западной Черкесии. Подданные Бастоко мигрировали в западном направлении и осели на Черноморском побережье в долине р. Вепсне на границе хегакских владений. Эта локальная группа адыгского населения известна источникам как вепсне или вепсненцы (330, с.185-196).

Жанеевское владение во главе с княжескими домами Комео и Бечкан также не избежало деления на ряд независимых уделов. По данным османских источников середины XVII в., Жане делилась на два «округа» – Большая и Малая Жане. Последняя располагалась на левых притоках Кубани рр. Абин, Хапль, Иль и более чем в три раза уступала Большой Жане по численности населения (343, с.63-64; 62, с.17). Часть жанеевцев во главе с князьями Заноко также волилась в состав хегаков (330, с.с.196).

В XVI-XVIII вв. в пределах османских владений на Таманском полуострове формировалось довольно многочисленное смешанное население (адыги, османы, армяне, евреи, греки и др.). Адыгское население Таманского полуострова (адале – «островитяне» (от тюрк. ада – «остров») османских источников или «таманские черкесы» русских источников) не составляло независимого владения, а проживало в пригородах османских укреплений (Тамань, Темрюк, Кизил-Таш) и в небольших селениях, число которых по османским данным середины XVII в. достигало 80. Оно сформировалось и пополнялось в основном за счет выходцев из соседнего Хегака и Жане и управлялось собственными «беями», подконтрольными османской администрации (343, с.42-52).

Внутренние границы между многочисленными этнотерриториальными единицами Западной Черкесии всегда оставались открытыми и взаимопроницаемыми. Фактическая культурно-языковая однородность населения оставалась мощным фактором консолидационной активности, в орбите которой находились не только западноадыгские этнические общности, но также соседние убыхи и абазины. Принадлежность к тому или иному субэтносу ощущалась скорее как показатель подданства конкретному владельческому роду и не нарушала единства адыгского самосознания. Несколько более выраженным оставалось противопоставление равнинных адыгов и горцев (предков шапсугов, натухайцев и абадзехов). Но в последнем случае важную роль играли не столько этнические различия, сколько социальная напряженность, вызванная стремлением княжеских домов Бжедугии, Кемиргоя, Хатукая и Бесленея подчинить своей политической власти все население высокогорной зоны Северо-Западного Кавказа.

Однако уже начиная с конца XVII в. инициатива в историческом процессе стала постепенно переходить к горным адыгам. Ни в одном из известных в настоящее время письменных источников, репрезентативных для XVI-XVII вв. не содержится упоминаний об абадзехах, шапсугах и натухайцах. Но уже с начала XVIII в. русские и иностранные источники сообщают о них под общим названием «вольные черкесы» (180, с.143-144). Их более раннее присутствие на этнополитической карте Западной Черкесии не подтверждается письменными свидетельствами лишь в силу социально-политической замкнутости и изолированности географического положения, позволявших им долгое время оставаться вне сферы досягаемости и политических интересов Крымского ханства, Османской империи и Русского государства. Кабардинскому фольклору абадзехи и шапсуги известны со времен Инала и его наследников (240, с.103).

Письменные источники первой четверти XVIII в. отражают резкое сокращение численности населения в княжеских владениях Западной Черкесии. Особенно эти процессы коснулись жанеевцев, хегаков и хатукаевцев. В сфере социально-политической власти княжеских династий Хегака, Жане и Хатукая на протяжении XVIII в. оставалось все меньше населения Западной Черкесии. В то же время за счет представителей непривилегированных сословий, массами бежавших к независимым горцам, заметно возросла численность и политическое влияние натухайцев, шапсугов и абадзехов.

Одной из причин существенного сокращения территории и численности жанеевцев, хегаков и хатукаевцев являлась наибольшая подверженность крымской экспансии в XVI-XVII вв. Затем сказались и результаты российской колониальной политики в регионе в последней четверти XVIII в. К началу XIX в. от обширных жанеевских владений оставалось лишь 6 небольших селений, расположенных в низовьях р. Кубань на левом берегу. Основная часть жанеевцев влилась в состав других адыгских субэтносов, главным образом шапсугов и натухайцев. Существенно уменьшились владения хегаков, занимавших в начале XVIII в. обширную область в Причерноморье и Приазовье. В 90-х гг. XVIII в. от них сохранялась только немногочисленная группа под Анапой. Эпидемия чумы и нападения более могущественных соседей стали причиной миграции части хегаков на восток к кемиргоевцам. Катастрофически сократилась численность хатукайцев. Остатки этого субэтноса оказались прижаты к левобережью Кубани. В начале XIX в. часть хатукаевцев, живших по рр. Иль, Абин и Надис (приток р. Афипис) переселилась к кемиргоевцам в низменную часть междуречья Пшиша и Белой (62, с.23-24)).

В течение XVIII в. особенно расширилась территория абадзехов, вытеснивших с верхнего течения р. Псекупс бжедугов, а из бассейна Белой в ее среднем течении – кемир-

гоевцев и егерухаевцев. На рубеже XVIII-XIX вв. абадзехи занимали обширные пространства в верхней части бассейнов рр. Псекупс, Пшиш, Пшеха, Белая до Большого Кавказского хребта, по которому они граничили с шапсугами и убыхами. Северными соседями абадзехов были бжедуги, хатукаевцы и кемиргоевцы. В источниках конца XVIII - первой половины XIX в. принято деление абадзехов на горных («дальних») и равнинных («ближних»), обусловленное тем, что они обладали большой территорией, включавшей как высокогорную зону, так и плодородные речные долины (42, с.24; 62, с.27).

Натухайцы фактически представляли собой часть шапсугского субэтноса, вместе с которым они были известны под общим именем Ахгутчипсе (330, с.202-203). Активно ассимилируя остатки хегаков, жанеевцев и вепсненцев, натухайцы заметно расширили ареал расселения. К концу XVIII в. они занимали долины рр. Адагум, Бакан, а также земли по Черноморскому побережью от Анапы до Геленджикского залива. Южнее Цемесской бухты они тесно соприкасались с шапсугами, не имея с ними четкого разграничения территории. В силу численного преобладания последних, население этой местности именовалось русскими источниками начала XIX в. «шапсугскими натухайцами». Земли шапсугов в Причерноморье простирались до р. Шахе, которая отделяла их от убыхов. Территория шапсугов вдвое превосходила натухайскую, однако отличалась более гористым рельефом. На северных склонах Большого Кавказского хребта шапсугские села в конце XVIII в. располагались также по рр. Антхир, Бугундур, Абин, Чибик и Афипс. Шапсугское и натухайское население в виде анклавов проживало в приморских обществах Убыхии, в которой на рубеже XVIII-XIX вв. стали активизироваться процессы языковой ассимиляции соседними адыгами (62, с.29).

Бжедуги, кемиргоевцы, махошевцы и бесленеевцы, несмотря на некоторые демографические потери, все же сохранились как самостоятельные и достаточно устойчивые этнотерриториальные единицы Западной Черкесии. Бжедуги, делившиеся на хамишеевцев и черченеевцев, оказались оттеснены из предгорий к левому берегу Кубани. Хамишеевский удел располагался между нижним течением рр. Афипс и Псекупс, а Черченеевский - далее на восток между низовьями Псекупса и Пшиша.

Кемиргоевцы и все связанные с ними локальные субэтнические подразделения западных адыгов (адамиевцы, егерухаевцы, мамхеги), также уступая натиску абадзехов, оставили предгорные территории бассейна Белой и переместились севернее - в степное междуречье Белой и Лабы. Махошевцы и бесленеевцы сохранили свои этнические ареалы в бассейне средней и верхней Лабы. Территория землепользования и политического влияния кемиргоевцев и бесленеевцев, поддерживавших наиболее тесные связи с Кабардой, на

рубеже XVIII-XIX вв. не ограничивалась собственными этническими ареалами. Как и прежде, бассейн верхней Кубани и степные пространства между Кубанью и Лабой, населенные соответственно локальными группами северокавказских абазин, а также закубанскими ногайцами оставались в сфере действенного политического и хозяйственно-экономического контроля княжеских домов Кемиргоя, Бесленея и Кабарды.

После начала Кавказской войны (1763-1864) динамика этнодемографических процессов в Западной Черкесии стала испытывать прогрессирующее влияние резко деструктивного характера. Особенно губительным оно стало с начала XIX в., когда военные экспедиции русских войск за Кубань приобрели регулярный характер. Первыми жертвами карательных акций становились приграничные княжеские владения Западной Черкесии. Многочисленные погромы и экзекуции, сопровождавшиеся уничтожением посевов и поселений, вызывали массовые миграции населения, спасавшегося в труднодоступных местах, уходящего в горы. Тем не менее, адыгские субэтнические группы до последних лет военного противостояния подавляющей мощи Российской империи упорно отстаивали свои исконные земли и оставляли их лишь в случае самой крайней необходимости.

Кожев З.А.

Прасолов Д.Н.

1.2. Территория феодальной Кабарды

1.2.1. Методы исследования

Трудности в решении данной проблемы обусловлены не столько отсутствием соответствующих материалов, сколько ошибочными методами их интерпретации.

Прежде всего следует обратить внимание на мифологизацию факторов изменения границ феодальной Кабарды, когда ее завоевание Россией считалось (в соответствии с господствующими взглядами о ее цивилизаторской миссии на Кавказе) добровольным присоединением к ней, а аннексия значительной части ее территории – освоением никому не принадлежащих земель. В общественное сознание кабардинцев внедрялось представление о том, что она не превышала их современную этническую территорию. В сущности, одна из главных задач советского исторического адыговедения заключалось в том, чтобы воспрепятствовать оживлению в исторической памяти народа неприемлемых для идеологии того времени сравнений современных административно-территориальных и этниче-

ских границ с территорией Кабарды в XVI–XVIII вв. В этом контексте ее сознательное сужение историками фактически оправдало колониальную политику России и тем самым замалчивало ту катастрофу, которая постигла адыгский народ в ходе и результате Кавказской войны.

Но если отбросить мифологемы прежней историографии, выходящие за рамки научной дискуссии, и сосредоточить внимание на концептуальных подходах, то обнаруживается, что выявлению реальной динамики этнической и политической карты феодальной Кабарды в первую очередь препятствовали:

1. Сведение процессов ее изменения к известной в истории подвижности кабардинских населенных пунктов, к их переселению, т.е. по существу к внутренним миграциям, которые в свою очередь рассматривались как освоение кабардинцами новой этнической территории.

2. Отождествление политических границ Кабарды с этнической территорией кабардинцев, а последней только с территорией, где располагались их населенные пункты.

3. Непонимание того обстоятельства, что феодальная Кабарда изначально являлась полиэтничным государственным образованием, территориальный суверенитет которого закономерно превышал непосредственно этническую территорию кабардинцев.

4. Игнорирование особенностей функционирования власти-собственности в масштабах всей Кабарды и в рамках удельных княжеств, а также специфики иерархической структуры землевладения и политической системы в целом.

В самом деле, если отождествлять территорию феодальной Кабарды с этнической территорией, т.е. только с территорией расселения этнических кабардинцев, а последнюю – с пространством, где располагались их населенные пункты, исключая из него земли, находившиеся вдалеке от них, в том числе и хозяйственные угодья, то наличие кабардинских селений за пределами обрисованной таким образом «этнической карты» неизбежно будет рассматриваться как доказательство освоения ими новой этнической территории. Внешне создается впечатление, что исследуется динамика ее изменения. В действительности же изучались эпизодические и весьма незначительные в масштабах всей Кабарды случаи внутренних миграций.

Н.Г.Волкова, пытаясь доказать расширение территории Малой Кабарды в первой половине XVIII в. «в южном направлении», а затем ее передвижение «западнее и севернее», а также уход кабардинцев с реки Сунжи в 50-70-х гг. XVIII в.» (62, с.52-56), в сущности рассматривает процессы внутренних миграций. Ошибка же заключается в том, что они выдаются за внешние миграции, свидетельствующие об изменении ее территории.

Следует учитывать, что Кабарда являлась полиэтническим государственным образованием. Полиэтничностью отличались и входившие в нее удельные княжества. На юге ее границы доходили до Главного Кавказского хребта, включая и районы проживания горских народов. Это подтверждается и географическими картами, составленными в 60-70-х гг. XVIII в. немецкими и французскими учеными. Поэтому в данном случае речь должна идти не о расширении территории Малой Кабарды, а о внутренней миграции в ее рамках отдельных населенных пунктов. Описывая массу незначительных деталей, связанных с гидрографией и орографией местности, выясняя мельчайшие подробности переселения «кабаков» с той или иной реки, речки, ручья, оврага и т.д., автор не замечает того обстоятельства, что оно происходило в пределах определенных кабардинских княжеств. Иначе говоря, детализация здесь достигается в ущерб общей картине и сущности рассматриваемого процесса.

Между тем очевидно, что новые поселения возникали на старой территории, принадлежащей тем или иным малокабардинским князьям. Куда бы они ни передвигались в XVII-XVIII вв.: на юг, север или запад, они передвигались внутри княжеств Таусултановых, Ахловых и Мударовых (последние представляли собой две ветви рода Гиляхстановых), которые в свою очередь были разделены между их вассалами. Границы феодальных владений были твердо фиксированы, и обычное право строго регламентировало процессы переселения. Сама его возможность зависела от места владельца села в сословной иерархии (переселялись не просто населенные пункты, а вотчины, принадлежавшие тем или иным феодальным владельцам). Князь, находившийся наверху социальной пирамиды, мог переселяться только в пределах своего княжества, первостепенные дворяне – в рамках своих родовых владений, а их вассалы – с разрешения своих сюзеренов.

Без знания особенностей вассально-иерархической структуры господствующего класса в феодальной Кабарде невозможно понять также и специфику ее территориального деления.

Н.Г.Волкова полагает, что «река Урух в ее нижнем течении служила границей Большой и Малой Кабарды, поскольку поселения последней, принадлежавшие фамилии Анзоровых, находились на этой реке» (62, с.64). Здесь мы сталкиваемся с элементарным недоразумением. Часть Анзоровых, проживавшая в нижнем течении р. Урух, находилась в вассальной зависимости от князей Большой Кабарды. Соответственно, их земли находились в верховной собственности последних. Поэтому часть владений Анзоровых входила в Большую Кабарду. Не вызывает сомнений, что границы между отдельными территориями, а тем более между Большой и Малой Кабардой следует определить по главному кри-

терию, установив конкретно верховных субъектов власти–собственности, а затем внутри определенных княжеств переходить к характеристике их деления на вотчины вассалов, обладавших различными правами в соответствии со степенью знатности (тлекотлешей, диженуго, беслан-уорков, уорк-шаотлугусов и пшикеу) и местом в социальной иерархии.

В этой связи необходимо обратить внимание на одно из главных методологических требований при изучении территории феодальной Кабарды: ее нельзя рассматривать в отрыве от господствующих форм власти–собственности, осуществлявшейся в пределах той или иной территории. «Вся кабардинская земля» управлялась «братьями-князьями» и в то же самое время находилась в их верховной собственности, будучи поделена между ними на соответствующие уделы. Населенные пункты могли покидать ту или иную местность как в силу внутренних, так и внешних причин, но на нее по-прежнему распространялась верховная власть–собственность удельного князя. А если брать еще шире – то и верховная власть всего рода Иналовичей. Следовательно, она оставалась под территориальным суверенитетом Кабарды.

Временный уход кабардинцев с Кумы и Пятигорья не говорит о том, что этот район перестал быть частью Кабарды. Точно так же, как их переселение на р. Баксан не следует рассматривать как освоение ими новой этнической территории. Река Баксан задолго до этого была населена кабардинцами, что подтверждается массой исторических источников.

Территория Пятигорья и вблизи Кумы оставалась объектом экономической эксплуатации, используя, например, в качестве пашен, о чем свидетельствует и кабардинская ландкарта 1744 г.

Для воспроизводства традиционной экономики (с ее переложно-залежным характером земледелия и отгонным скотоводством) кабардинцы должны были обладать устойчивым политическим контролем над гораздо более обширной территорией, нежели та, на которой располагались их населенные пункты и близлежащие к ним земельные угодья. Но при всем этом использование земли в хозяйственных целях не является обязательным признаком ее принадлежности той или иной политической общности. До утраты Кабардой своей независимости вся ее территория, в том числе и неиспользуемые земли, находились в верховной собственности князей и, соответственно, под их суверенитетом. Другими словами, земля могла и не использоваться в качестве пашен, сенокосов, пастбищ и т.д., но находиться в верховной собственности князей и быть объектом их территориального и политического суверенитета. В своей совокупности суверенная верховная власть и верховная земельная собственность князей совпадали с территориальным и политическим суверенитетом Кабарды.

Эти обстоятельства следует учитывать и при рассмотрении юго-западных окраин Кабарды, включая и верховья Кубани, принимая в расчет не наличие там постоянных поселений или использование земли в хозяйственных целях (62, с.64), а тот факт, что карачаевцы находились, по терминологии тех лет, в «подданстве» кабардинских князей и что их этническая территория входила в состав полиэтнической Кабарды.

Подчеркнем еще раз, что Кабарда – полиэтническое государственное образование, а не только этническая территория кабардинцев. Поэтому территорию их расселения, или их этнические границы, нельзя отождествлять с политическими границами Кабарды. В этом плане ее можно сравнить со средневековой Аланией.

Территория, находившаяся под политическим суверенитетом Кабарды, заметно превышала непосредственно этническую территорию кабардинцев, охватывая также и пространство, занимаемое горскими народами Центрального Предкавказья, которые находились в вассальной зависимости (доходившей до отношений прямого подданства) от кабардинских князей. С этой точки зрения территория, населявшаяся абазинами, карачаевцами, балкарцами, осетинами, ингушами и частью чеченцев, входила в состав Кабарды. Ее южные границы проходили, как уже отмечалось, по Главному Кавказскому хребту, что нашло отражение в географических картах 70-х гг. XVIII в. На западе она граничила, согласно сведениям Хан-Гирея, с закубанскими черкесами (331, с. 61).

1.2.2. Восточная территория Кабарды.

Одной из самых сложных проблем при изучении территории феодальной Кабарды является вопрос о ее восточных границах, хотя казалось бы, известия европейских авторов не оставляют сомнений на сей счет. Их следует рассматривать в контексте сведений о восточных рубежах Черкесии, а Кабарда, как известно, являлась ее восточной частью.

Все авторы XVI – начала XVIII вв., касавшиеся этого вопроса, отмечали, что на востоке Черкесия граничила с Каспийским морем.

Мартин Броневский, сведения которого относятся к 70-м гг. XVI в., писал, что «область пятигорцев... простирается до Каспийского, или Гирканского моря» (4, с.54).

Джованни Лукка, посетивший Черкесию в 20-30-х гг. XVII в., отмечал, что эта «область имеет самое большое протяжение от Тамани до Демиркапу, иначе Дербента, города, расположенного на берегу Каспийского моря. Страна черкесов тянется на 26 дней пути» (4, с.70). Утверждение, что Черкесия простирается до Дербента, ошибочно. Но со-

общение о том, что она доходила до Каспийского моря, отражает реальный факт расселения адыгов в устье Терека.

Адам Олеарий, побывавший в Терском городе в 1636 г., сообщал, что территория черкесов с востока замыкается Каспийским морем (4, с.83).

Николай Витсен, собравший во время пребывания в России в 1664 г. богатый фактический материал о соседних с ней народах и государствах, писал: «Страна черкесов лежит у самого Каспийского моря, ее северные соседи – астраханские ногаи, на юге – дагестанские и тарковские татары, на западе – абазы (абхазы – Ред.) и мингрельские племена» (4, с.87). Переходя к описанию Терского города, он счел необходимым подчеркнуть, что он находится «в черкесской земле на берегу Каспийского моря» (4, с.95).

Ян Янсен Стрейс, побывавший в устье р. Терека в 1668 г., оставил в своей книге интересные наблюдения по интересующему нас вопросу. Описав Терки как «пограничный и последний подвластный царю город», он отмечал, что от черкесов «владения его царского величества отделяет река Тимянка». Далее, он более конкретно описывает восточные границы Черкесии: «Черкесская область собственно начинается у реки Тимянки и отделяется степью от Ногаи, а с другой стороны рекой Быстрой (южным протоком дельты Терека – Ред.) от дагестанских татар» (4, с.100-101). Нельзя не заметить, что Я.Я. Стрейс четко различает черкесов, ногайцев и дагестанских татар (по всей видимости, кумыков).

Энгельберт Кемпфер, сведения которого относятся к 80-м гг. XVII в., писал: «Черкесия причисляется одними к Азии, другими к Европе. К востоку страна граничит с Каспийским морем, к западу с Меотским озером (Азовским морем – Ред.), к югу с Черным морем» (4, с.114).

Ксаверио Главани, которого трудно заподозрить в незнании черкесов, в специальном очерке, посвященном их описанию, указывал: «Черкесия граничит: с одной стороны, с калмыками, ныне состоящими под покровительством царя, с другой стороны – с Каспийским морем, где находится крепость Терк, принадлежащая московитам; затем с Абазой (Абхазией – Ред.), прилегающей к горе Кавказу и простирающейся до Черного моря; наконец, с Меотским болотом. Таким образом, страна эта заключается между морями Черным, Каспийским и Забакским (Азовским – Ред.)» (4, с.159-160).

Известия европейских авторов о восточных границах Черкесии в XVI – начале XVIII в. должны были казаться невероятными историкам, привыкшим ограничивать территорию Кабарды рубежами, которые сложились гораздо позднее в результате аннексии значительной части ее земель. Но делается это весьма своеобразным способом: за неимением других аргументов, приведенные сведения подвергаются сомнению на основе дан-

ных более поздних авторов, в частности, сообщений И.А. Гюльденштедта (62, с.15-16), отмечавшего в начале 70-х гг. XVIII в., что земля черкесов на востоке простирается до устья р. Сунжи, текущей в Терек (62, с.204-205).

Поскольку сравниваются сведения, относящиеся к различным периодам истории Кабарды, то они в принципе не в состоянии опровергнуть друг друга (если, конечно, не рассматривать ее территорию в статике). При сравнительном анализе они могут свидетельствовать только о том, что территория феодальной Кабарды с середины XVI в. до 70-х гг. XVIII в. существенно изменилась и, в частности, ее восточные границы стали проходить по р. Сунже. Но это, разумеется, не доказывает, что те же самые границы существовали и в предшествующие века. В данном случае суть проблемы заключается не в оценках степени достоверности сведений, вырванных из контекста, а в исследовании факторов, воздействовавших на изменение самой оцениваемой реальности. Все это лишний раз подчеркивает необходимость изучения территории феодальной Кабарды в динамике. При таком подходе сведения И.А. Гюльденштедта и географические карты этого времени не противоречат данным источников XVI-XVII вв. о том, что на востоке она граничила с Каспийским морем. В своей совокупности они взаимно дополняют друг друга, свидетельствуя о процессах изменения ее территории в течение трех столетий.

Известия европейских авторов о том, что Черкесия на востоке граничила с Каспийским морем, подтверждается и множеством архивных документов. Однако изучение данного вопроса не исчерпывается поисками новых материалов о восточных пределах расселения этнических кабардинцев. Необходимо изменить сам метод интерпретации фактических данных. В этом плане прежде всего следует четко уяснить тот факт, что на Северном Кавказе этнические границы часто не совпадали с политическими. В свою очередь, это обстоятельство связано с особенностями политических взаимоотношений северокавказских народов, а внутри Кабарды – со спецификой ее государственного устройства, своеобразными формами переплетения власти, собственности и суверенитета с ее полиэтнической структурой. Нельзя не учитывать и геополитические интересы соседних держав, существенно влиявших на расстановку политических сил в данном регионе, что неизбежно сказывалось и на его политической и этнической карте.

Пространство земли между устьем р. Терека и Сунжой было не просто местом, где компактно проживали отдельные группы адыгов, а территорией, которая входила в состав Кабарды и в то же самое время находилась под суверенитетом могущественного княжества Идаровых («Идареевой Кабарды») (136, с.198). Это своеобразное государство в государстве в течение полувека определяло внешнеполитический курс Кабарды, стало ини-

циатором заключения в 1557 г. военно-политического союза с Россией и тем самым вовлекло в орбиту ее влияния соседние народы. Необходимость военной защиты от Турции, Крымского ханства, Ирана, Шамхальства Тарковского и ногайцев, а также от внутренних врагов в лице князей Кайтукиных, придерживавшихся прокрымской ориентации, вынуждает пщышхуэ (великого князя) Кабарды Темрюка Идарова обратиться с просьбой к московскому царю Ивану IV о строительстве крепости в районе впадения р. Сунжи в Терек. В 1567 г. она была построена и получила название «Терского города».

В январе 1568 г. Иван IV в грамоте крымскому хану Девлет-Гирею II главным аргументом, доказывающим право основания города в данном месте, выдвигалось то обстоятельство, что он построен «по Темгрюкову - княжому челобитью... для его береженья... на *его земле*» (курсив наш – Ред.) (136, с.20). Посол в Турции И.П.Новосильцев в июле 1570 г., отвечая на вопросы великого визиря Мухамеда Соколлы, очерчивает территорию княжества Темрюка Идарова следующим образом: «А та земля изстари была от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке *по реке и до моря* его, Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил..., *а не владел тою землею*, где город Терка стал, *опричь Темрюка никто*» (курсив наш – Ред.) (136, с.23).

Строительство крепости на р.Сунжи значительно повышает политическую роль княжества Темрюка Идарова как внутри Кабарды, так и на всем Северном Кавказе. Через Идаровых, в «вотчине» (136, с.8) которых была построена эта крепость, Россия стала контролировать «Астраханский путь», идущий из Центральной Азии на Ближний Восток и в Закавказье. Тем самым княжество Идаровых стало мощным препятствием, сдерживающим агрессию Турции и Крымского ханства на Кавказе. В 1569 г. эти государства организовали крупнейший военный поход против Астрахани, стремясь взять реванш за падение Астраханского и Казанского ханств, открыть путь в Центральную Азию и одновременно создать плацдарм для нанесения удара через Дербент по Сефевидскому Ирану. Но он не достиг своей цели. Значение княжества Идаровых было продемонстрировано в разгроме отступавших турков и крымцев. (В отместку за неудачу Астраханского похода Девлет-Гирей II в 1571 г. сжег Москву).

В марте 1571 г. Иван Грозный, продолжавший Ливонскую войну и опасавшийся набегов Крымского хана, сообщил турецкому султану Селиму II о сносе Терского города (136, с.27-28). Но причины, побудившие к его строительству, сохранялись. Для России по-прежнему была актуальной задача защиты своих южных рубежей путем расширения сфер влияния на Северном Кавказе, а для Кабарды – обороны от агрессии со стороны Крыма и Турции. В июле 1588 г. по поручению «большого князя» Кабарды Камбулата Идарова его

племянник Мамстрюк Темрюков и сын Куденек Камбулатов, уполномоченные им в качестве послов, просили московского царя «для их обороны от Турского и от Крымского на Терке город поставити» (136, с.49). В результате переговоров Камбулату Идарову и «всей кабардинской земле» была дана жалованная грамота царя Федора Ивановича, в которой он велел «на Терке-реке, на устье Терском... город поставити» (136, с.52).

Основание «Терского города» в устье Терека по просьбе самих же кабардинцев говорит о том, что здесь проходили восточные рубежи Кабарды. В противном случае их просьба во всех отношениях выглядела бы абсурдной. Но почему «большой князь» Кабарды не просит построить на западе страны: к примеру на Куме, в районе Пятигорья, на Малке или Баксане? Эти места располагались ближе к владениям, находившимся под протекторатом Крыма, и, на первый взгляд, могли быть успешно использованы в качестве первого и основного эшелона обороны при его нападениях. Нужно, однако, учитывать, что Кабарда и во второй половине XVI в. не являлась централизованным государством, в котором строительство оборонительных сооружений и их структура могли диктоваться соображениями общей и равной безопасности для всех подданных. Указанная территория принадлежала потомкам князя Кайтуки Бесланова, которые, в основном (несмотря на эпизодические и во многом формальные изъявления лояльности к Москве), придерживались прокрымской ориентации. В этих условиях стремление Идаровых возвести город-крепость во владениях своих противников лишалось бы всякой политической логики и военно-стратегической целесообразности. Остается только одно объяснение: они, прося московского царя от имени «всей кабардинской земли» (136, с.49) построить крепость в устье Терка и как бы защищая интересы всей Кабарды, на самом же деле были обеспокоены положением своего княжества, оказавшегося одновременно под ударами с запада – Крымского ханства и князей Кайтукиных, с севера – ногайцев, а с юга – Шамхальства Тарковского. Этот мотив главенствует во всех их челобитных по данной проблеме. И если бы место основания крепости не находилось в их владениях, то, как уже отмечалось, их просьба о ее постройке теряло бы всякий смысл. Рассуждая от противного, какой был смысл им просить о ее возведении не в своем княжестве, а в Шамхальстве Тарковском, от которого они, кстати, собирались обороняться с ее помощью? Еще более абсурдной представляется просьба о ее строительстве на территории ногайцев. Ничейной же земли в этом стратегически важном районе, где сталкивались геополитические интересы различных государств и народов, попросту и быть не могло. И то обстоятельство, что Идаровы просили построить ее именно в устье реки Тюменки (протока дельты Терека) красноречиво говорит о том, кому принадлежала эта территория.

Возведение города-крепости на восточных рубежах княжества Идаровых и на максимальном удалении от Крыма делало его легко доступным для России (как с моря, так и с суши), которая этой по существу военной базой положила начало своему продвижению на Кавказ.

Взаимоотношения Кабарды и России прошли три этапа: 1) от военно-политического союза 2) через вассальную зависимость 3) к вхождению в нее в качестве завоеванной страны и превращению кабардинцев в прямых и неполноправных подданных империи. Но для восточной части Кабарды, княжества Идаровых, процесс подчинения России проходил более ускоренными темпами. Если Большая и Малая Кабарда до 1774 г. в целом сохраняли свою независимость и строили свои взаимоотношения с Россией на основе соглашений, эпизодически сменявшихся моментами противостояния, то отношения с ней княжества Идаровых после строительства Терского города в 1588 г. и смерти Камбулата Идаровича следует определять как вассальные с элементами прямого подданства. Последние в течение XVII в. неуклонно возрастали, пока в первой четверти XVIII в. окончательно не поглотили все другие виды отношений, обусловленных феодальными договорами.

Е.Н. Кушева в свое время высказала мысль, что в XVII в. на Тереке существовало особое вассальное княжество, несколько напоминавшее владения касимовских царей (182, с.67). Однако оно не было создано Московским государством на голом месте. Его роль свелась к трансформации удельного княжества, являвшегося частью Кабарды, в вассальное политическое образование, отколовшееся от нее и вышедшее затем в состав России.

Назначением представителей рода Идаровых князьями над нерусским населением Терского города Россия, с одной стороны, подчеркивала, что она считается с этим своеобразным княжеством, а с другой – демонстрировала, что рассматривает их как своих прямых подданных.

Потомки Идара, укрепляя русское влияние в регионе, временно возвышались над своими политическими противниками, но в исторической перспективе, независимо от их субъективных установок, это обстоятельство ослабляло суверенитет их княжества. Его резкое возвышение в 50-60-х гг. XVI в., а затем трансформация в сторону вассальной зависимости с тенденцией превращения в обычную составную часть Московского государства нарушали установившийся баланс сил и интересов в Кабарде. Для восстановления прежнего равновесия открывались две альтернативы: реализация первой предполагала возвращение к статус-кво, сложившемуся до середины XVI в. (т.е. до кабардинских посольств, направленных в Москву Темрюком Идаровым), а осуществление второй – исключение его из числа удельных княжеств, определявших стратегию внутренней и внеш-

ней политики Кабарды. Первый путь был практически недостижим, учитывая историческую ситуацию того времени и необратимость процессов, связанных с расширением южных пределов России. Реальной оставалась только вторая альтернатива. Отторжение Идаровых всей остальной Кабардой объективно явилось своеобразной формой защиты ее политического суверенитета и специфической реакцией на усиление позиции Москвы в данном субрегионе.

После смерти Куденека Камбулатовича в 1624 г. «большое княжение» в Кабарде навсегда уходит из рода Идаровых. Назначение московским царем их представителей князьями над нерусским населением Терского города лишь в незначительной степени могло компенсировать утрату ими влияния в Кабарде, связанную прежде всего с исключением их из круга потенциальных субъектов верховной власти в стране. Положение даже самых влиятельных из них (например, Каспулата Муцаловича Черкасского) не равнялось статусу кабардинских удельных князей, стремившихся проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику. Участие первых в политической жизни Кабарды оборачивалось вмешательством России в ее внутренние дела. Имевшиеся в их распоряжении военные силы не укрепляли, а ослабляли суверенитет Кабарды, поскольку они в качестве подданных России использовали их в ее интересах. В итоге княжество Идаровых, ориентированное только на Москву, начинает выступать как инородное политическое образование, обнаруживая несовместимость с остальной Кабардой, которая, прибегая одновременно к покровительству нескольких государств и лавируя между ними, тем не менее придерживалась одной линии, направленной на сохранение своей независимости. В этом главном вопросе пути их политического развития разошлись кардинальным образом.

Но исторический парадокс состоял в том, что в первой половине XVIII в. княжество Идаровых оставалось, хотя и во многом формально, частью Кабарды. Во всяком случае в качестве таковой оно по инерции рассматривалось самими кабардинцами. И эти представления не были лишены оснований. Более того, они отражали ряд совершенно объективных обстоятельств, продолжавших связывать политические разобщенные уделы. Прежде всего это относится к особенностям структуры землевладения в Кабарде. Так, Идаровы сохраняли некоторые владения и на западе страны. Если рассматривать расположение кабардинских княжеств в середине XVII в. с запада на восток, то территория, которая впоследствии стала называться Большой Кабардой, принадлежала потомкам Кайтуки Бесланова (Алегукке Шеганукину и сыновьям Казыя Пшиапшокова); пространство между правым берегом Терека и Сунжей – Таусултановым и Гиляхстановым (Мударовым и Ахловым), а земли от правого берега Сунжи до устья Терека – Идаровым. При продвижении

последних на восток в начале XVI в. часть их деревень по невыясненным сейчас причинам оставалась в историческом центре Кабарды. В первой половине XVII в. они располагались чересполосно с «кабаками» их политических противников.

В начале апреля 1638 г. Кельмамет и Ильдар Куденековичи Черкасские, опасаясь того, что в результате княжеских междоусобиц и очередного передела владений они могут лишиться своих подвластных, обратились к царю с челобитной, в которой просили его дать «государевых людей», «чтоб перевесть нам свои кабачишки ближе к Терскому городу» (136, с.171). Не получив помощи, они оказались не в состоянии противостоять агрессии со стороны объединенной коалиции князей Казыевой и Шолоховой Кабарды, а также мурз Малого Ногай весной 1639 г. Примечательно, что их призвали Будачей и Муцал Сунчалеевичи Черкасские, принадлежавшие к роду Идаровых. Конфликт же внутри одного княжеского дома разгорелся из-за того, что Кельмамет и Ильдар Куденековичи Черкасские незаконно взяли под свой сюзеренитет вассалов Сунчалеевичей. Далее события развивались по стандартной схеме. Призванные ими князья и мурзы «приходили ратью на Кельмамета да Ильдара мурз Черкасских», основательно разорили их владения, а деревни вассалов Сунчалеевичей в качестве дополнительной меры наказания вместе с деревнями Куденековичей перевели в Казыеву и Алегукину Кабарду. Причем при переводе на новое место их «посадили порознь» (136, с.188). Положение Куденековичей, едва спасшихся бегством, еще больше осложнилось. Этим объясняются их повторные просьбы к царю о военной помощи для возвращения захваченных у них кабаков. Наконец, она была оказана. Но «ратные люди», посланные из Терского города, вместе с войсками Куденековичей и Шолоховой Кабарды были разбиты в сражении на р.Малке в июле 1641 г. (136, с.198-199). Это поражение окончательно подорвало позиции Идаровых внутри Кабарды.

В 1642 г. Муцал Сунчалеевич Черкасский, получив прощение от русского правительства, вернулся из ссылки в свои наследственные владения на Сунже и сразу же стал хлопотать о возвращении сюда кабаков, переведенных в Казыеву и Алегукину Кабарду во время нападения на Кельмамета и Ильдара Куденековичей (136, с.212). В его челобитной, поданной 25 июня 1643 г., указывалось, что «на Куране шерть учинили Алегук-мурза за себя и за брата своего Ходождуку-мурзу и за мурз Малого Ногаю», обязавшись «кабаки их (Сунчалеевичей – Ред.) *от себя отпустить на старые места*» (136, с.237), т.е. за Сунжу (курсив наш – Ред.). Но поскольку этому возвращению препятствовали владельцы Малой Кабарды и «Кумышкой Ондреевской Солтан Магмут-мурза и сын ево Казаналп-мурза з братом», князь Муцал Сунчалеевич просил выделить русских служилых людей «с

вогненным боем тысячи человек или больши». Да еще просил «устроить острожек с государевыми ратными людьми» в своих владениях (136, с.239-240).

Исследователи, игнорируя или попросту не зная предшествующие этой челобитной события, рассматривают просьбу о переводе кабаков на р.Сунжу как свидетельство того, что здесь первые кабардинские поселения возникли только в середине XVII в. Другими словами, сам факт переселения некоторого количества сел, вырванный из сложного контекста социально-экономических и политических отношений того времени, используется как доказательство освоения кабардинцам новой этнической территории. (Тот же самый метод исследования применяется ими при рассмотрении процессов передвижения кабардинских поселений с Кумы и Пятигорья на р.Баксан, а также случаев миграции населенных пунктов в Малой Кабарде). Однако, как явствует из приведенных выше материалов, челобитная князя Муцала Сунчалеевича Черкасского ни в коей мере не говорит о том, что территория, примыкавшая к р.Сунже, не была заселена кабардинцами до середины XVII в. и не принадлежала их князьям на правах верховной земельной собственности. Напротив, ее текст следует однозначно интерпретировать только в том плане, что он содержал просьбу о возвращении и переводе принадлежавших ему и его брату кабаков из Алегукиной и Казыевой Кабарды обратно «на старые места», т.е. в родовую вотчину Сунчалеевичей, находившуюся к востоку от места слияния Сунжи с Тереком. Таков совершенно очевидный и ясный смысл данного документа.

Несмотря на ослабление княжества Идаровых к середине XVII в., устье Терека и в это время было довольно плотно заселено кабардинцами. Земельная теснота в этом месте носила столь острый характер, что здесь из-за земли между ними часто происходили споры и конфликты. Архивные документы свидетельствуют, что они стали обыденным явлением в их жизни. Это обстоятельство, в частности, подтверждается и челобитной князя Камбулата Пшимаховича Черкасского, поданной в марте 1645 г. В ней оспаривались сведения Будачей-мурзы, писавшего в 1644 г. царю Михаилу Федоровичу, что «вверх по Быстрой-реке по Кучюковке те сенные покосы истари отца ево, а после де отца ево теми покосами завладел Каншов-мурза насильством, а как де не стало Каншов-мурзы, а после де, государь, теми же сенными покосы завладел будто сильно сын ево». Отрицая эти утверждения, Камбулат Пшимахович заверял царя в следующем: «Будачей-мурза был челом тебе, государь, ложно. И теми сенными покосы владел Каншов-мурза (троюродный брат Камбулата – Ред.), а после его смерти владел брат мой Келмамет-мурза Черкасской, а после брата моего и по се время владеет невестка моя Келмаметевская жена Кандыда» (136, с.255-256).

Сейчас вряд ли имеет смысл выяснять степень обоснованности прав того или иного представителя четвертого поколения Идаровых. Очевидно, что в данном случае произошло столкновение двух принципов землевладения: частного права, которое выражал Будачей Сунчалеевич, и фамильного, которое фактически отстаивал Камбулат Пшимахович. Но как бы то ни было, приведенный документ свидетельствует о том, что устье р. Терека было давно обжито кабардинцами, и что здесь сложились характерные для Кабарды формы земельной собственности.

В устье Терека существовали все отрасли традиционной экономики кабардинцев. Но здесь они занимались и другими видами хозяйственной деятельности в соответствии с природно-географическими условиями этой местности, в частности, рыболовством, причем в таких размерах, что для обеспечения его нормального функционирования иногда требовалось обращение к самому царю. В мае 1645 г. князь Камбулат Пшимахович обращается к царю Михаилу Федоровичу с челобитной, в которой указывал: «Да я ж, холоп твой, для ради своей нужи посылаю людишек своих для рыбной ловли на море и в Быструю–реку. И как, государь, людишка мои привезут рыбенки, и с той рыбы с людишак моих емлют твою государеву таможенную рыбную пошлину» (136, с.258). Камбулата Пшимаховича особенно оскорбляло то обстоятельство, что с его «братьев», проживающих в Терском городе, эту пошлину не брали.

Поскольку г. Терки стал крупным центром транзитной торговли в регионе, кабардинские князья, забыв свои сословные предрассудки, стали торговать перекупными товарами, в том числе и персидским шелком (136, с.142).

Передав Московскому государству значительную часть военно-оборонительных функций, князья Идаровы уже не могли своими силами столь же успешно, как и в прошлые времена, обеспечивать защиту своих подвластных от агрессивных соседей. Поэтому тот же Камбулат Пшимахович в мае 1645 г. просил царя «в пахатную и жнитвеную пору для обереганья от недрузей наших давать своих государевых служилых людей... так же, как давал и братье моей Кельмаметь и Илдар мурзам Черкасским» (136, с.259).

Если в отношениях с Московским государством князья Идаровы вели себя как его подданные, то во взаимоотношениях друг с другом – как суверенные феодальные власти. Участие в междоусобицах является, пожалуй, единственной формой проявления ими самостоятельности в политической сфере. Тем разрушительнее были спровоцированные ими военные конфликты. Все они, несмотря на разнообразие вызвавших их причин и быструю смену декораций и действующих лиц, проходили по одному сценарию, когда враждующие стороны вовлекали в них другие кабардинские княжества, не гнушаясь вмеша-

тельством в их внутренние дела иноземных владельцев. В результате создавался огромный, практически неиссякаемый потенциал насилия, постоянно возобновляющийся источник антагонизмов и войн. Цепная реакция разрушительных столкновений, вызванных амбициями одного князя, могла продолжаться десятилетиями, ослабляя и непосредственных участников междоусобиц, и страну в целом.

В 1643 г. Камбулат-мурза Черкасский (правнук Идара) призывает Кельмамета Ибакова из «Шолоховой Кабарды» и эндерейского мурзу Казаналпа идти войной на Нарчова Елбузлукова (тоже правнука Идара (136, с.240)). Естественно, что эти действия приводили к разорению и упадку княжества Идаровых, ослабляя позиции Кабарды в прикаспийских районах.

Выясняя причины упадка княжества Идаровых, необходимо заметить, что на предгорной равнине от Сунжи до устья Терека, кроме кабардинцев, проживали и представители вайнахских и дагестанских народов. В 50-70-х гг. XVI в., в период возвышения Идаровых, полиэтническая структура княжества служила дополнительным фактором укрепления его могущества. С ослаблением же его цементирующего этнополитического ядра она способствовала его распаду и в конечном счете – утрате Кабардой своего восточного удела между р. Сунжей и Каспийским морем. При этом не следует забывать, что для этого княжества крайне неблагоприятно сложились этнодемографические процессы. Помимо прямых людских потерь, связанных с войнами и эпидемиями, они характеризовались: 1) оттоком значительной части населения на запад, к историческому центру Кабарды; 2) препятствиями, создаваемыми другими княжествами для переселения своих подвластных на восток; 3) отъездом в Москву Идаровых со своими дворянами и крепостными и последующим растворением в русской этнической среде; 4) ассимиляцией остатков кабардинцев соседними кавказскими народами; 5) ростом численности русского населения.

Заселение русскими территории Кабарды началось задолго до прямой агрессии против нее. Это прежде всего казаки, ставшие селиться в ее восточных районах начиная с 70-х гг. XVI в. Сперва это происходило по инициативе и под покровительством самих Идаровых. Затем рост их численности стал происходить по мере упадка их княжества и деэтнизации его структурообразующей основы.

Военно-политический союз Кабарды с Россией привел к временному усилению в стране прорусски ориентированных Идаровых. Затем оно сменилось длительной полосой господства других княжеских родов. В свою очередь падение роли Идаровых в масштабах всей Кабарды привело к ослаблению их власти и авторитета также и внутри своего княжества. Некоторое подобие прежнего статуса обеспечивалось благодаря только поддержке

России. Но дальнейшее усиление ее позиций в конечном счете предопределило гибель «Идареевой Кабарды». Стиснутое со всех сторон враждебным окружением, разоряемое внутренними и внешними войнами, невосполнимо теряя людские и материальные ресурсы, лишенное помощи по стороны остальной Кабарды, это княжество в течение всего XVII в. приходит в упадок. А в начале XVIII в., когда род Сунчалеевичей пресекся, среди Идаровых не оставалось никого, кто мог бы управлять княжеством, сочетая эти функции с княжением над нерусским населением Терского города.

Несмотря на это, территория бывшего княжества рассматривалась другими кабардинскими князьями как часть Кабарды и соответственно как их общее достояние. Вот почему Арслан-бек Кайтукин в сентябре 1722 г. в заявлениях на имя Петра I ставит вопрос о наследственном праве кабардинских князей на княжение в Терском городе и необходимости переселения части подвластных им деревень в низовья Терека (92, с.131-132). По их представлениям, выморочное княжество должно было остаться в их распоряжении, поскольку они, как и линия Идаровых, входили в более широкую родственную общность, ведущую свое происхождение от общего родоначальника Инала. (С этой точки зрения, Кабарда являлась патримониальным государством Иналовичей). Но угасание княжества приняло необратимый характер. К концу царствования Петра I оно исчезло бесследно для современников. Не понадобилось даже формального акта о его упразднении. В силу этого теряли смысл и права, связанные с княжением в Терском городе. Его снос по указу Петра I был простым следствием сложных и во многом драматичных процессов упадка княжества Идаровых.

Итак, судьба некогда могущественного кабардинского княжества закончилась весьма показательно. Став проводником влияния России в Кабарде и на всем Северном Кавказе, оно по сути дела стало ее первой жертвой, хотя и сравнительно бескровной. Но цена за временное возвышение оказалась слишком дорогой не только для этого княжества. Она была сполна оплачена всей Кабардой, а затем и всеми адыгами за счет утраты независимости и разрушения адыгской цивилизации.

Суммируя вышесказанное, с полным основанием можно утверждать, что наступление России на Кабарду и соответственно на Северный Кавказ началось с той стороны, куда ее пригласили сами кабардинцы: с востока. Иными словами, сокращение территории Кабарды началось не с севера, а с востока. В итоге до конца первой четверти XVIII в. значительная часть восточной Кабарды от Каспийского моря до слияния Сунжи с Терком отошла к России. (Если в XVI-XVII вв. Россия строила крепости на территории Кабарды по просьбе или с согласия кабардинских князей, то после она перестала считаться с их

мнением). Но до основания крепости Моздок в 1763 г. ее наступление не сопровождалось открытой войной, хотя оно и подкреплялось в случае необходимости внушительной военной силой. Присоединение к ней княжества Идаровых облегчалось феодальной раздробленностью Кабарды и застарелой враждой к ним большинства кабардинских князей. Несмотря на это, колонизация его территории растянулась на два века, усиливаясь по мере его упадка. Фактически оно добровольно растворилось в составе России. Поэтому только к нему и относятся те восторженные оценки, которые советские историки давали политике Темрюка Идарова и ее «прогрессивным» последствиям.

Совершенно иной характер носила экспансия России с севера. В отличие от восточных земель, северные территории Кабарды были аннексированы ею в ходе и результате крупномасштабных и кровопролитных сражений в первый период Кавказской войны (1763-1822 гг.).

1.2. 3. Проблема северных территорий

Впервые эта проблема весьма остро была поставлена владельцами Большой Кабарды в 1765 г., когда они лишились значительной части своих земель в результате строительства крепости Моздок в 1763 г.: «Кабардинские земли (т.е. земли Большой Кабарды – Ред.), – писали они, – простираются, с одной стороны, до реки Кумы и до развалин старинного города Маджар на оной реке находящегося, с другой – вниз по течению реки Терек до урочища Мекеня, лежащего на оной реке Терку ниже урочища Моздока по крайней мере верст шестьдесят» (ЦГАДА, ф. Кавказские дела, оп.1, д.1, л.9 об. Цит.по: 62).

В первой половине XVII в. за урочищем Мекень находились владения Идаровых. Далеко не случайно, что и Россия рассматривала это место как пограничный рубеж между «Казыевой и Алегукиной Кабардой» (будущей Большой Кабардой) и княжеством Идаровых. Исходя из этого, 28 авг. 1642 г. царь Михаил Федорович определил «урочное место» для переговоров Муцала Сунчалеевича с Алегукой Шеганукиным «на Мекене или на Науре» (136, с.215), чтобы последний и его «братья» не опасались своих противников из княжества Идаровых. Княжества Таусултановых, Мударовых и Ахловых (ставших впоследствии называться Малой Кабардой) располагались южнее, по правому берегу Терека до впадения в нее Сунжи. Дальше опять начинались владения Идаровых, простиравшиеся на востоке до устья Терека, а на севере – до ногайских степей.

Что же касается информации кабардинских князей о северных границах Большой Кабарды, то ее дополняют сведения моздокского ротмистра Александра Шелкова, пере-

данные в Коллегию иностранных дел в октябре 1768 г. В них отмечалось, что владения Большой Кабарды располагались по обеим сторонам реки Кумы (137, с.281). Географические карты того времени подтверждают эти данные. Согласуются они и с сообщениями европейских авторов. В частности, Г.-Ю. Клапрот, побывавший на Северном Кавказе в 1807 и 1808 гг., писал: «Черкесы были распространены раньше больше на север, а их пастбища простирались до Кумы, на их языке Гумши, т.е. старая Кума» (4, с.258). Согласно его данным, их территория доходила до соляных озер, которые они использовали совместно с ногайцами и кумыками. В этом районе этнополитические границы были размыты и в значительной мере носили условный характер.

В XVI в. территория Кабарды простиралась значительно севернее Кумы. В 1569 г. крымско-турецкие войска, не добившись своей цели, отступали от Астрахани на запад, к Азову *«Кабардынскою дорогою по безводным местом... И многие... турки з голоду померли, и лошади померли, и черкасы у них людей покрали и лошадей много...»* (курсив наш – Ред.) (136, с.395).

По всей видимости, «кабардинская дорога» находилась к северу от Куманьчской впадины, в районе засушливых степей, переходящих на северо-востоке в полупустыни. Южнее же Кумы ближе к бассейну р. Терека не могло быть «безводных мест». Напротив, эта территория всегда была богата водными ресурсами, и проживавшее здесь население могло при желании обеспечить крымцев и турков фуражом и съестными припасами. Но тогда почему отступавшие войска не направились на благодатный юг? Объясняется это прорусской ориентацией великого князя (пщышхуэ) Кабарда Темрюка Идарова, по просьбе которого Московское государство построило на р. Сунже мощную крепость. Ее главная функция заключалась в противодействии крымско-турецкой агрессии. Потерпев неудачу при Астрахани, крымцы и турки не хотели искушать судьбу осадой второй крепости. Несмотря, однако, на принятые меры предосторожности, они подвергались нападению войск Темрюка Идарова и понесли при этом значительный урон. В свою очередь это обстоятельство косвенно свидетельствует о том, что «кабардинская дорога», о которой повествует приведенный источник, проходила вблизи северных границ Кабарды.

После основания Моздока в 1763 г. Большая Кабарда лишилась земель на левом берегу Терека между этой крепостью и Мекенем. А строительство в 1777-1778 гг. Азово-Моздокской, или Кавказкой линии, состоящей из цепи крепостей, отодвинуло ее северные границы до реки Малки. За весьма короткий срок Россия захватила у кабардинцев огромную территорию, где находились их лучшие пахотные и пастбищные земли. Коллегия иностранных дел вынуждена была признать, что с постройкой крепостей «лишились они

всего того изобилия и богатства, особливо, когда открылась линия Кавказская и все прежние места их отошли под слободы и селения россиян» (137, с.319).

Кабардинцы оказались загнанными и запертыми в пределах крайне ограниченного жизненного пространства. Приходят в упадок все отрасли хозяйства: разрушается земледелие, происходит массовый падеж скота, лишенного доступа к пастбищам и соляным озерам. Но главная беда ждала их впереди. Чрезвычайно высокая плотность населения, искусственно созданная Россией, в свою очередь создает благоприятные условия для распространения эпидемий. Этим во многом объясняются катастрофические последствия чумы, начавшейся в 1804 г. и продолжавшейся с небольшими перерывами до 1825 г. Она вместе с войной почти в 10 раз сократила численность кабардинцев.

Советская историография полностью игнорировала факты значительного сокращения территории Кабарды, а тем более их связь с ее антиколониальной борьбой, войной и чумой. Признание аннексии северной части Кабарды в столь значительных размерах слишком противоречило бы идеологии о прогрессивных последствиях ее присоединения к России.

1.2. 4. Дальнейшее сокращение территории Кабарды

Проведением Кавказской линии не закончилось сокращение кабардинской территории. Оно лишь положило начало широкомасштабному процессу ее колонизации. В конце XVIII и на протяжении всего XIX в. происходило ее заселение, с одной стороны, русскими, а с другой – горскими народами, находившимися в прошлом в зависимости от кабардинских князей. После окончательной утраты Кабардой своей политической независимости в 1822 г. уже не могло быть и речи о ее территориальном суверенитете и соответственно политических границах. Под термином «Кабарда» все в большей степени стали понимать этническую территорию кабардинцев. Но и она предельно сужается, ограничиваясь узким и легко разрываемым пространством, на котором располагались их села. Теперь ее размеры и конфигурация произвольно определялись царскими властями. В частности, генерал Ермолов для осуществления постоянного и жесткого контроля над кабардинцами расположил их населенные пункты вблизи цепи крепостей, построенных им внутри Кабарды в 1822 г.

Но и в таком сильно урезанном виде этническая территория кабардинцев продолжала сокращаться. Вкратце отметим наиболее существенные моменты этого процесса:

1. Переселение значительной части субэтнуса, не смилившейся с оккупацией Кабарды, за Кубань, к западным адыгам (1822 г.).

2. Выселение кабардинцев из района Пятигорья за р. Малку в 20-х гг. XIX в.

3. Основание в центре Кабарды новых русских поселений для охраны Военно-Грузинской дороги в конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. (Пришибской, Александровской, Котляревской, Змейской и др.).

4. Укрупнение кабардинских сел в 1865 г. и создание благоприятных условий для дальнейшей колонизации освободившихся земель.

5. Образование балкарских сел на этнической территории кабардинцев в пореформенный период.

6. Появление множества русских и украинских поселений на кабардинской территории в конце XIX – начале XX в.

Казалось бы, на этом должно было завершиться сокращение кабардинских земель. Но октябрьский переворот открыл новые возможности их отчуждения. В 1918-1921 гг. под предлогом «социализации» более трети земельного фонда Кабарды было отмежевано в пользу соседних горских народов. А в 1944 г. она лишилась и Курпского района.

В.Х. Кажаров

1.3. Численность населения Черкесии в XVI – первой половине XIX вв.

Демографические процессы в феодальной Черкесии не достаточно изучены в исторической науке.

В частности, несмотря на то, что о численности населения Кабарды в XVIII в. написано немало, эта проблема остается одной из самых спорных в адыговедении. Так как по этому периоду нет достаточно полных и достоверных сведений, большинство авторов устанавливало численность населения по косвенным данным о количестве селений и дворов в Большой и Малой Кабарде, составе семьи, численности дворянского сословия и выставляемого им войска. Обобщив и проанализировав эти данные, В.К. Гарданов пришел к выводу, что в первой половине XVIII в. население Кабарды составляло 130-160 тыс., а концу столетия достигало 180-200 тыс. (68а, с.81-84). Причем в качестве основной единицы исчисления он использовал «двор», численный состав которого он определял в 10-12 чел.

Однако В.К. Гарданов не учитывал особенностей семейного быта и традиционной поселенческой культуры кабардинцев, и отождествлял двор, в котором проживала одна семья, с феодальным двором. Х.М. Думанов обращает внимание, что «в подавляющем большинстве случаев в одном кабардинском дворе проживало несколько семейств. В частности, характерным явлением для кабардинских феодальных семей являлось то, что они вместе со своими крепостными крестьянами проживали в одном и том же дворе» (105, с.23). Кроме того, по свидетельству П.С. Потемкина, в XVIII в. у кабардинцев доминирующей формой семейной организации была большая семья. В силу этих обстоятельств в адыгском дворе могло проживать до 30-50, а иногда до 100 чел. (184, с.78). Исходя из этого, К.Ф. Дзамихов пришел к заключению, что население Кабарды в XVIII в. могло составлять 350-450 тыс. чел. (94, с.303-307).

Т.Х. Кумыков считает, что в результате эпидемии чумы и колониальной политики царского самодержавия в первой четверти XIX в. население Кабарды сократилось в 10 раз и к 30 - 40-м гг. XIX в. составляло не более 40 тыс. (178, с.172-180). Следовательно, до начала действия этих разрушительных факторов, т.е. в конце XVIII в. численность кабардинцев могла достигать 350-400 тыс. чел.

Для сравнения можно привести сведения И. Бларамберга. Он отмечал, что «по подсчетам, сделанным в 1804 г., в Большой Кабарде проживало 30 тысяч семей, а в Малой Кабарде – 15 тысяч семей» (48, с.210). Эти данные были получены до начала эпидемии чумы и наиболее опустошительных карательных экспедиций царских войск в Кабарду. Анализируя «Списки узденей» 1825 г., Х.М. Думанов установил, что в первой половине XIX в. средняя численность семьи в целом по Кабарде составляла 6 человек (105, с.259). Опираясь на эти материалы, можно предположить, что примерная численность населения Кабарды на рубеже XVIII – XIX вв. составляла не менее 270 тыс. чел.

Еще в 1808 г., И.П. Дельпоццо писал, что вследствие чумы кабардинцев осталась «почти десятая часть» (68а, с.83). По данным Генерального штаба, к 1834 г. население Кабарды только от чумы сократилось в 6 раз. По сведениям И. Бларамберга, к 30-м гг. XIX в. численность кабардинцев уже не превышала 30 тыс. человек, из которых 24 тыс. человек проживали в Большой Кабарде, а 6 тыс. – в Малой (48, с.210).

Таким образом, наиболее вероятная численность населения Кабарды в XVIII в. могла составлять около 300 тыс. чел. В первой трети XIX в., в силу указанных выше факторов, она сократилась в 10 раз.

Репрезентативный статистический материал по численности населения Западной Черкесии XVIII в. практически отсутствует. Отрывочные и самые косвенные данные по

этому вопросу появляются только в последней трети столетия. В 1780-х гг. К. Пейсонель сообщал, что западные адыги "вместе взятые легко могут выставить 100 тыс. людей и гораздо больше в случае необходимости" (4, с. 202). В работе известного западного историка А. Беннигсена приводится оценка службой великого визиря Османской Турция в 1785 г. военного потенциала народов Северо-Западного Кавказа, которые в состоянии выставить до 100 тыс. человек (40, с.76). Считая половину указанного войска дворянской конницей, К.Ф. Дзамихов предполагает, что в конце XVIII в. ей вполне могло соответствовать население в 1 млн. 250 тыс. человек.

Среди многочисленных сведений о населении Западной Черкесии в первой половине XIX в. заслуживают внимания данные Г. В. Новицкого (1082200 человек) (70, с.32), и Т. Лапинского (800-900 тыс.) (70, с.36) – военных офицеров, которые собирали свои материалы непосредственно среди адыгов. Н. Дьячков–Тарасов приводит сведения, собранные по распоряжению князя Паскевича в 1830 г., согласно которым 1,7 млн. западных адыгов могли выставить до 250 тыс. вооруженных людей (169, с. 244). Однако В.К. Гарданов считал эти цифры преувеличенными. Но в своих подсчетах он исходит из того, что в среднем адыгский двор состоял из 5 – 8 чел. (70, с.41). Сопоставив сведения Новицкого и Лапинского с данными Бларамберга, Хан-Гирея, Торнау, Сталя и Коха, он пришел к заключению, что в первой половине XIX в. численность населения Западной Черкесии максимально могла составлять не более 500 тыс. чел. (70, с.42-43). А.Х. Бижев, напротив, вполне достоверной считает численность западных адыгов в 1,7 млн. чел. (46, с.70).

Из рассмотренных данных представляется, что численность населения Западной Черкесии в первой половине XIX в. составляла около 1 млн. чел. Вероятно, в XVIII в. численность западных адыгов не могла быть меньшей. Если приплюсовать к ним кабардинцев, то всех адыгов насчитывалось около 1,3 млн. чел.

Важно отметить, что до конца XVIII в. численность населения Черкесии отличалась относительной стабильностью. Устойчивость демографических показателей адыгской этнической общности в XVI -XVIII в. обеспечивалась двумя факторами. Первый – постоянное сокращение численности населения от набегов крымских татар, феодальных междоусобиц, нескольких крупных эпидемий и случавшихся неурожайных, а следовательно, и "голодных" годов. Второй – достаточно высокая плотность населения, сравнительно благоприятная среда обитания и здоровый образ жизни, которые способствовали стабильному воспроизводству населения.

Результатом сосуществования перечисленных факторов стал на первый взгляд парадоксальный демографический процесс: компенсация неестественной убыли населения

его естественным воспроизводством. Для большинства традиционных средневековых феодальных обществ был характерен едва заметный рост численности населения. Поэтому неизменность численности населения Черкесии на протяжении нескольких столетий является вполне закономерной. Изменение этой тенденции в сторону невосполнения убыли населения произошло с конца XVIII в., когда адыгская общность подверглась колониальной экспансии российского самодержавия и пережила невиданную прежде эпидемию чумы.

При изучении демографических процессов в Черкесии следует учитывать внутренние миграции, заметно изменившие численное соотношение отдельных субэтнотетов. В частности, массовые переселения в первой половине XIX в. крепостных крестьян из княжеских владений Черкесии в области проживания «демократических адыгов» способствовали увеличению численности абадзехов, шапсугов и натухайцев. В результате удельный вес населения "демократических" субэтнотетов достиг 2/3 от общей численности адыгов (70, с.44).

Важно отметить, что чума затронула и западных адыгов, в частности, адамиевцев, мохошевцев и бесленеевцев. Так, по данным Буцковского, эпидемия, к 1812 г. еще продолжавшаяся у бесленеевцев, лишила их «большой части народного населения» (РГВИА. Ф.414. д.300. л.83).

Наконец, в середине XIX в. основным и наиболее катастрофическим фактором сокращения численности адыгов стало их вынужденное переселение в пределы Османской империи. По сведениям А. П. Берже, основанным на анализе официальных (значительно заниженных) данных, совокупная численность мухаджиров-адыгов составила 471 тыс. человек. Из них натухайцев 80 тыс., абадзехов 43 тыс., шапсугов 257 тыс., убыхов 53 тыс., бжедугов свыше 6 тыс., темиргоевцев, егерухаевцев и махошевцев до 15 тыс. человек. (41, с. 10-11).

Необходимо учитывать, что эти показатели не отражают ни действительного соотношения численности адыгских субэтнотетических подразделений в 1860-х гг., ни истинных масштабов их миграции за пределы Кавказа. В частности, Бларамберг, Дубровин, Торнау, Новицкий и Кох еще в 30-е гг. XIX в. численность абадзехов определяли в 160-260 тыс. человек (70, с.42). Процессы демократизации общественно-политического строя, происходившие в их среде, должны были служить одним из главных стимулов дальнейшего прироста народонаселения. Вместе с тем, абадзехи, наряду с шапсугами, натухайцами и убыхами оказывали наиболее упорное сопротивление российской военной экспансии и поэтому несли наибольшие потери. Даже принимая в расчет это обстоятельство, едва ли

можно сомневаться в том, что цифра 43 тыс. человек, приводимая Берже, отражала лишь малую часть абадзехского субэтноса, вытесненного с традиционной территории расселения.

По подсчетам Новицкого, которые, как представляется, достаточно объективно отражали численность отдельных субэтносов и адыгской общности в целом, в 1830 г. натухайцев насчитывалось 240 тыс., бжедугов 60 тыс., темиргоевцев 80 тыс. чел. (70, с.32). Поэтому есть основания полагать, что в конце 50 – первой половине 60-х гг. XIX в. численность мухаджиров была существенно искажена российскими чиновниками, которые пытались таким образом скрыть истинные масштабы свершавшейся трагедии и сам факт геноцида некогда многочисленного адыгского этноса.

Прасолов Д.Н.

Губжоков М.Н.